

Марусина Полина Владимировна, Магистрант,  
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

## ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Аннотация.** В статье раскрывается содержание экологической культуры как составляющей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рассматриваются понятие и структура экологической культуры, её связь с экологической безопасностью и ценностно-мировоззренческим измерением безопасности. На основе научных источников, социологических данных и нормативных правовых актов выявляются условия, при которых экологическая культура способна выполнять защитную функцию в современном российском контексте.

**Ключевые слова:** Экологическая культура, национальная безопасность, экологическая безопасность, экологическое образование, устойчивое развитие, эколого-правовой нигилизм, культурный суверенитет.

На протяжении последних десятилетий взаимодействие человека и природной среды переместилось из разряда узких прикладных вопросов в центр осмысления перспектив развития цивилизации, поскольку масштаб антропогенного воздействия достиг величин, сопоставимых с естественными процессами биосферы. Постепенное накопление этих изменений привело к тому, что состояние окружающей среды перестало восприниматься как нейтральный фон хозяйственной деятельности и стало рассматриваться в качестве условия физического выживания и устойчивого развития обществ. В научной литературе утвердилось понимание того, что экологический кризис обусловлен не только техногенными факторами, но и нарушением равновесия между техническим и культурным началами, при котором ослабевают влияние культуры как на природную среду, так и на самого человека [3]. В этой логике культура выдвигается в центр системной связки «человек – культура – природа», а отношение к природе начинает трактоваться как индикатор состояния общественного сознания. Применительно к государству подобная постановка вопроса закономерно соединяется с проблематикой безопасности, ведь деградация среды обитания затрагивает жизненно важные интересы личности, общества и государства. Именно поэтому экологическая безопасность закреплена в качестве одного из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [8]. Однако обеспечение такого приоритета невозможно свести к технико-правовым мерам: оно предполагает определённый уровень зрелости массового сознания, то есть сформированную экологическую культуру населения. Исходя из обозначенного, цель статьи состоит в раскрытии содержания экологической культуры как составляющей обеспечения национальной безопасности и в выявлении условий, при которых она способна выполнять эту функцию в современном российском контексте.

Подступая к вопросу о связи экологической культуры с национальной безопасностью, разумно сперва договориться о значении исходного понятия. Экологическую культуру обычно трактуют как составную долю культуры общечеловеческой, которая вбирает в себя совокупность общественных связей, нравственных установок, норм и приёмов обращения общества с природным окружением; складывается она в сознании и поведении людей от поколения к поколению благодаря не прерывающемуся экологическому образованию и просвещению [2]. По своему строению это понятие принято разворачивать через три связанных между собой звена – экологическое сознание, экологические отношения и экологическую деятельность [2]. Подобное членение даёт возможность отделить друг от друга



осведомлённость о положении дел в среде, ценностный отклик на неё и реальные поступки, а вместе они и складываются в культуру. Примечательно, что перемена в отношении к природе достигается не набором ограничений, а перестройкой мировосприятия и ценностных ориентиров человека, затрагивающей в том числе и обыденные бытовые привычки.

Уточнив исходное понятие, уместно соотнести его с той категорией, в которую оно встраивается, – с национальной безопасностью. В нынешних документах стратегического планирования под национальной безопасностью понимается такая защищённость национальных интересов от угроз извне и изнутри, при которой граждане могут осуществлять свои конституционные права, поддерживается достойный уровень их жизни, а государство сохраняет суверенитет и устойчиво развивается в социально-экономическом отношении [8]. Законодательный смысл экологической безопасности раскрывается через перечень того, от чего ограждаются природа и человек. В этот перечень входят последствия производственных процессов, аварийные и катастрофические события естественного и техногенного происхождения, а также отложенный эффект подобных воздействий. Объектом охраны при этом выступают одновременно состояние природных систем и базовые потребности человека, обеспечивающие его жизнедеятельность. Причина, по которой экологическую безопасность относят к системе национальной, состоит в том, что ни поступательное развитие страны, ни высокий уровень жизни людей недостижимы там, где утрачено должное качество окружающей среды [5]. Так образуется последовательность звеньев: от качества среды зависит безопасность, безопасность держится на проводимой политике, а результативность этой политики определяется культурой тех, кто её воспринимает и проводит в жизнь.

Острота проблемы становится нагляднее при обращении к фактическому состоянию окружающей среды в стране. Масштаб неблагополучия поддаётся количественной оценке. Доля граждан, чья питьевая вода не достигает гигиенических нормативов, приближается к 40%. Численность жителей городов с предельными концентрациями загрязняющих веществ в атмосфере превышает 17 млн. Зоны выраженного антропогенного давления распространяются на ареал, где сосредоточено порядка двух третей населения, а финансовые потери, ежегодно сопряжённые с расстройством природной среды, укладываются в интервал 4–6% валового внутреннего продукта [7]. Показатели такого порядка и объясняют, отчего сбережение и восстановление среды трактуют не как узковедомственное дело, а как одно из условий национальной безопасности.

Определив оба понятия и обозначив остроту проблемы, можно перейти к центральному тезису о том, что экологическая культура работает не как подсобный, а как образующий систему элемент обеспечения безопасности. Эта связь прослеживается по нескольким линиям:

1. Линия гуманитарная, при которой опорой экологической безопасности служит сложившаяся в обществе экологическая культура, а образование и воспитание в природоохранной сфере выступают её главным источником [5].
2. Линия правовая, означающая фиксацию природоохранных требований и ответственности за их нарушение, а вместе с тем – воспитание у граждан готовности подчиняться установленным правилам [5, 7].

В основе гуманитарной линии лежит соображение о том, что меры технические и экономические приносят прочный результат лишь тогда, когда меняются сознание людей и их ценностные ориентиры, ведь в противном случае граждане не отдадут себе отчёта в подлинном размахе экологических трудностей [5]. Продолжая эту мысль, авторы подчёркивают, что экологическая культура подпират собой едва ли не все направления обеспечения национальной безопасности – государственное, общественное, экономическое, информационное, энергетическое, транспортное, равно как и безопасность самой личности [1]. Объясняется такой подход тем, что от экологической культуры и рядовых граждан, и



субъектов хозяйствования прямо зависит экологическое качество среды, а значит, жизнь и здоровье людей; вдобавок она помогает удерживать антропогенную нагрузку в допустимых пределах по ходу экономического роста, обеспечивая закреплённое в Конституции право каждого на благоприятную окружающую среду [1].

Помимо прямого сцепления с состоянием среды, у экологической культуры обнаруживается значение и в ценностно-мировоззренческом срезе национальной безопасности. На концептуальном уровне её осмысливают как фактор, формирующий национальную безопасность, и как одну из опор национальной идеи, которой надлежит укорениться в образе жизни и складе мышления людей; в одном из исследований прямо говорится, что «экологическая культура должна восприниматься как фактор формирования обеспечения национальной безопасности, как концептуальный стержень национальной идеи» [3]. Вместе с тем экологическое начало заложено в коренных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностях, складывавшихся на протяжении отечественной истории, и через это смыкается с проблематикой культурного суверенитета – права страны и народа жить по выработанным ими самими нормам и ценностям, отвергая внешнее деструктивное вмешательство [1]. В данной связи указывают, что исконные основания экологической культуры прочно сплетены с ценностями патриотическими, гражданскими и нравственными, отчего их расшатывание делается одной из целей информационно-психологического давления [1]. Тем самым экологическая культура оказывается вписанной не только в природоохранный, но и в идейно-ценностный контур безопасности.

Сказанное подводит к обратной грани вопроса: нехватка экологической культуры уже сама по себе оборачивается угрозой. Данные сопоставительного социологического исследования, выполненного в рамках Международной программы социальных исследований, говорят о том, что в сознании россиян проблема среды отодвинута на второй план: важнейшей для страны её сочли всего 1,7% опрошенных, тогда как о здравоохранении упомянули 37%, о бедности – 22,9%, а о положении дел в экономике – 19,3% [4]. Притом тревога об экологических рисках сосредоточена на том, что ощущается напрямую, – на загрязнении воздуха (22,4%), вывозе бытовых отходов (18,1%), загрязнении воды (11,3%), – а вот климатические изменения главным вызовом назвали лишь 6,6% участников, и это наименьшая доля среди всех стран проекта [4]. Существенно, что подобный расклад мнений во многом проистекает из сравнительно скромного уровня экологической культуры и слабой осведомлённости людей, причём в исследовании прямо констатируется: «низкий уровень экологической культуры граждан сам по себе является угрозой экологической безопасности» [4]. Прочитанный так, дефицит экологической культуры подтачивает общественный контроль и обратную связь между населением и органами власти, отчего управленческие решения в природоохранной сфере теряют в действенности.

Очерченные обстоятельства выводят к вопросу о том, какими средствами экологическая культура формируется, и среди них первостепенную роль играют образование и право. Нормативную опору здесь образуют закреплённая после поправок 2020 года конституционная обязанность государства обеспечивать условия для развития экологического образования и воспитания экологической культуры, а также нормы Федерального закона «Об охране окружающей среды», утверждающие начала всеобщности, комплексности и непрерывности такого образования [7]. За этими изменениями стоял устойчивый общественный запрос: согласно опросам периода, когда поправки выносились на обсуждение, закрепление в основном законе государственной обязанности создавать условия для экологического образования сочли значимым 88% граждан [7]. Однако исследователи обращают внимание, что немалая часть норм в данной области долго оставалась по преимуществу декларативной – без работающего механизма правового регулирования и без



возложения конкретных обязанностей на определённых субъектов [6, 7]. О том же говорит и более давняя динамика: появившийся было в школьной программе предмет «Экология» к исходу 1990-х годов вывели из федеральных учебных планов, а требования об обязательном освоении основ экологических знаний были изъяты из законодательства в 2013 году [7]. Похожим образом оценивали и исполнение стратегических документов: положения о становлении экологической культуры присутствовали в Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года, но их претворение в жизнь упиралось в нерешённые управленческие, организационные и правовые вопросы [6, 9]. Стоит принять во внимание, что срок действия этой Стратегии истёк в 2025 году, и потому соответствующий документ стратегического планирования нуждается в обновлении. На таком фоне в обществе и фиксируют эколого-правовой нигилизм, который указывает на несформированность у заметной части граждан экологического сознания и экологической культуры [6].

Завершая анализ, следует обратиться к реальному состоянию экологической культуры, которое не позволяет говорить о её сложившейся целостности. Целостной экологической культуры в масштабах страны исследователи пока не констатируют; реальную картину точнее передаёт понятие фрагментарности: интенсивность участия граждан колеблется и определяется их территориальной принадлежностью, возрастной группой, имущественным положением и образовательным уровнем [2]. Те направления, по которым наблюдается продвижение, – сортировка коммунальных отходов в мегаполисах, освоение предприятиями наилучших доступных технологий, добровольческие природоохранные инициативы – остаются точечными и не перерастают в универсальную общественную практику, вследствие чего складывается явление, обозначаемое как «экокультура для избранных»: его носителем оказывается преимущественно образованный и состоятельный слой крупногородского населения [2]. Причины ограниченного участия распределяются по двум группам. Первая имеет институциональное происхождение и охватывает зарегулированность общественных слушаний, подвижность правовых норм и пробелы в информировании. Вторая лежит в плоскости индивидуальных возможностей: сюда относятся недостаточная экологическая подготовленность граждан и нехватка располагаемого ими времени и денежных средств [2]. Государственным инструментом, отвечающим на перечисленные затруднения, служит национальный проект «Экологическое благополучие»: его реализация началась 1 января 2025 года – после того как предшествующий нацпроект «Экология» исчерпал свой срок, – и продлится до 2030 года. Структурно он распадается на шесть федеральных проектов: «Генеральная уборка», «Экономика замкнутого цикла», «Чистый воздух», «Вода России», «Сохранение лесов» и «Сохранение биоразнообразия и развитие экологического туризма». Целевые установки проекта затрагивают восстановление водных объектов, устранение источников накопленного вреда, уменьшение выбросов и поддержание лесного фонда [2]. Показательно, что экологическое благополучие при этом впервые обозначено в качестве самостоятельной национальной цели развития, что отражает повышение статуса экологической проблематики на уровне государственного целеполагания. Тем не менее достижение комплексного результата связывается не только с государственными программами, но и с повседневным поведением граждан, что вновь возвращает рассуждение к роли экологической культуры. Из этого следует, что превращение экологической культуры из практики «образованного меньшинства» в общенациональную норму предполагает согласованные усилия государства, системы образования, бизнеса и институтов гражданского общества, в основе которых лежит выстраивание устойчивой системы непрерывного образования и доверительной коммуникации [2].

Обобщая, отметим, что экологическая культура представляет собой не периферийный, а сущностный компонент обеспечения национальной безопасности, поскольку она связывает



качество окружающей среды, действенность природоохранной политики и ценностно-мировоззренческую устойчивость общества в единый контур. Закрепление экологической безопасности в числе стратегических национальных приоритетов, внесение в Конституцию Российской Федерации норм об экологическом образовании и выделение экологического благополучия в самостоятельную национальную цель создают для этого необходимую правовую и институциональную рамку, однако их практическая результативность зависит от преодоления декларативности законодательства и от повышения уровня экологической культуры населения. Сохраняющаяся мозаичность экологических практик, проявления эколого-правового нигилизма и неблагоприятное состояние среды на территориях проживания значительной части граждан указывают на то, что формирование экологической культуры остаётся задачей, требующей системного и долгосрочного решения; именно её последовательное выполнение способно перевести экологическую безопасность из числа провозглашённых приоритетов в реально обеспечиваемое состояние защищённости личности, общества и государства.

*Список литературы:*

1. Дзятковская Е. Н. Экологическая культура как вектор обновления основных образовательных программ // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 1 (47). – С. 207–213.
2. Имамиева А. Н., Яловенко С. А., Щурикова Л. Г. Государственный механизм формирования экологической культуры // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 11 (92). – С. 1601–1611.
3. Мухамадеева А. А. Ecological culturality: utopia or imperative of the time? (a conceptual look) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4. – С. 68–70.
4. Прохода В. А. Вызовы экологической безопасности в фокусе общественного мнения россиян // Национальная безопасность / nota bene. – 2022. – № 6. – С. 135–144.
5. Кудашева Л. А., Кузнецова А. Ю. Проблемы экологической безопасности России // Мировая наука. – 2021. – № 12 (57). – С. 113–117.
6. Ворончихина Д. Н. Современные концепции экологической безопасности. Проблемы реализации экологической политики в Российской Федерации // Дискурс-Пи. – 2019. – Т. 16, № 4 (37). – С. 79–96.
7. Аббасов П. Р. Актуальные проблемы правового регулирования экологического образования // Управление в современных системах. – 2020. – № 4 (28). – С. 3–10.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
9. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.

